

ПЕРВОПРОХОДЕЦ Т. ФРИМАН И СТАНОВЛЕНИЕ ПЕТЕРБУРГСКОЙ ФИНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

ТОМИ ХУТТУНЕН

Статья посвящена ранней истории финских переводов русской литературы. В частности, обсуждается роль писателя, переводчика, учителя и культурного деятеля финского Петербурга, Т. Фримана (1821–1886). Он много переводил, от православных литургических текстов до статей российских авторов, посвященных национальному финскому характеру, также занимался переводом художественной литературы. Его важным контактом в Финляндии был К. А. Готлунд, который публиковал сочинения Фримана и его переводы на страницах своих хельсинкских газет, «Суомалайнен» и «Суоми».

Ключевые слова: финско-русские литературные связи, история перевода, Фриман, Готлунд.

Tomi Huttunen. The Emergence of Finnish Literature in St Petersburg and the Pioneering Work of T. Friman

The article discusses the early history of Finnish translations of Russian literature. The study is dedicated to the writer, translator, teacher and cultural figure of Finnish St. Petersburg, Thomas Friman (1821–1886). He translated diverse texts, from orthodox liturgical literature to articles dedicated to the specifics of Finnish national characteristics and also examples of fiction. Friman's important contact in Finland was C. A. Gottlund, who published his writings and translations on the pages of Helsinki's first Finnish-language newspapers, titled "Suomalainen" and "Suomi".

Keywords: Finnish-Russian literary relations, translation history, Friman, Gottlund.

Петербургский финн Томас Фриман (Tuomas/Thomas Friman, 1821–1886) был во многом исключительной фигурой в истории финской литературы. Его практически не упоминают в учебниках по истории литературы и даже по истории переводной литературы, хотя здесь он был, безусловно, первопроходцем. Его дед был эстонским крепостным и после освобождения поселился в деревне Яаккима, которая стала родиной для его внука Томаса. Фриман хорошо владел русским, английским и немецким языками, а финский и эстонский были для него родными. Зато шведского языка он почти не знал, что не могло не влиять на его позицию в дискуссиях о языке, которые велись тогда в Финляндии. Фриман был «феннономаном», т. е. ярым сторонником финского литературного языка, точнее, его восточного (карело-

саволакского) диалекта. Он работал библиотекарем в Морском кадетском корпусе в Петербурге, в 1844 году стал первым учителем финской церковной школы на Большой Конюшенной улице, а затем ее директором. Его также назначили преподавателем финского и эстонского языков в Петербургскую Духовную Академию, которая в это время была активна в области преподавания финского языка.

После того, как Финляндия стала автономным генерал-губернаторством в составе Российской империи, образ православия в стране начал меняться. Это отражается, например, в письме генерал-губернатора А. А. Закревского статс-секретарю Р. Ребиндеру от 7 июля 1826 г.: «...всякий финляндец <...> конечно не пожелает унижения веры, исповедуемой его Государем» (цит. по: [Логачев: 169]). Финский язык был нужен для священников финских приходов, и поэтому он преподавался в академиях Петрозаводска и Петербурга еще в 1820-е годы [Мусаев: 149–150]. Работающий в Духовной Академии лютеранин Фриман занялся и переводами, так как в это время Синод нуждался в финских переводах догматической и литургической литературы. Тогда Фриман получил свои первые заказы, а проверял его переводы действующий в Петербурге финский лингвист, этнограф, академик А. Шегрен [Sjögren: 4339]; см. также [Логачев: 169–171]. Первый перевод, «Чин исповедания отроков и Царские и Патриаршие Граматы <sic!> о учреждении Святейшего Синода, с изложением Православного исповедания веры», Фриман выполнил еще в 1845 году, и хотя соображения Шегрена были достаточно критическими и далеко не лестными, он вышел под грифом Академии Наук в 1849 году вместе с двумя другими переводами [Friman 1849a; Friman 1849b; Friman 1849c]. Очевидно, эти брошюры не очень широко использовались, так как в Финляндии 1850-х годов богослужения велись еще на церковнославянском, и только в 1860-е годы в православных церквях страны были разрешены богослужения на финском языке [Railas: 236–237]. Тогда Фриману были заказаны новые переводы [Логачев: 173]. С 1849 по 1867 год Синод опубликовал двенадцать литургических брошюр, переведенных им на финский язык [Piironen: 81]. Воодушевленный такой востребованностью, Фриман перевел в последующие годы еще 27 литургических текстов, которые, однако, остались неизданными [Takala-Roszczenko: 212–214]¹. Начатую Фриманом работу продолжили священники С. Окулов и И. Альбинский, и настоящая организованная деятельность по переводу православной литературы на финский началась одновременно с общей переводческой активностью в Финляндии, т. е. в 1880-е годы [Piironen: 24–25].

¹ Ныне хранятся в РГИА (Ф. 796. оп. 149, д. 63 (1868–72), лл. 1–51v).

История этих переводов православных текстов, восходящая еще к 1840-м годам, была опосредованно связана с главным хельсинкским и университетским собеседником Фримана, Карлом Готлундом. Лингвист и фольклорист К. А. Готлунд (1796–1875), известный преподаватель финского языка в Хельсинкском Императорском Александровском университете, стал главным вдохновителем Фримана в его языковой фенномании. Готлунд был одним из ведущих пропагандистов финского языка, и при этом — скандалистом, одним из наиболее ярких инакомыслящих в академической жизни Хельсинки середины XIX века; см. [Pulkkinen: 5–8]. Прочитав работы Готлунда, Фриман нашел в нем единомышленника и в 1842 году решил к нему обратиться. Он написал письмо старшему товарищу, чтобы познакомиться и начать получать советы и поддержку своей работе в Петербурге [Письмо Фримана Готлунду от 10 июля 1842 г.]. Переписка продолжалась годами, письма Фримана сохранились в архиве Хельсинкского университета. В переписке обсуждались и переводы православной литературы, сделанные Фриманом. Исследователь финско-русских литературных отношений Эйно Карху описывает роль Фримана в жизни Готлунда так:

Но у Готлунда был еще один знакомый литератор в Петербурге — Т. Фриман, который также переводил для «Суоми». Отец Фримана когда-либо был крепостным <sic!> в Эстляндии, но потом сумел разбогатеть, стал купцом и переселился в Петербург. Здесь его сын получил образование, после чего преподавал финский и эстонский <...>, а также переводил на эти языки, по поручению синода, православные церковные книги. Когда Готлунд в своей сатире «Торговец религией» высмеивал попытки властей распространять в Финляндии православие, то здесь, видимо, учитывались и те сведения, которые мог дать об этом Фриман. Готлунд поощрял филологические наклонности своего друга и, в частности, издал его разыскания о финской грамматике [Карху: 296].

Содержание писем Фримана к Готлунду действительно подтверждает такую интерпретацию. Упомянутая выше сатира стала причиной закрытия первой газеты Готлунда в 1846 году.

Переписка с Готлундом содержит и свидетельства переводческой активности Т. Фримана другого направления. В 1840-е годы Готлунд издавал газеты «Суомалайнен» (1846) и «Суоми» (1847–1849), которые были первыми хельсинкскими газетами на финском языке. На их страницах Фриман публиковал собственные сочинения и переводы. Материал для последних он находил в петербургской периодике, например, в «Литературной газете» и «Финском вестнике». Однако предметом особого внимания Фримана стал реакционный петербургский журнал «Маяк», полное название которого

с 1842 года звучало так: «Маяк современного просвещения, искусства и образованности в духе русской народности». В письме к Готлунду от 20 февраля 1843 г. Фриман упоминает, что он знаком с редактором «Маяка» Бурачком и предлагает адресату публиковаться в этом журнале на русском языке. Речь идет о Степане Онисимовиче Бурачке (1800–1877), который был издателем журнала. Журнал придерживался консервативного направления, и особое значение в его публикациях приобретал национальный аспект.

В «Маяке» Фриман нашел украинского писателя Николая Тихорского (1806–1871). Нередко редакторы «Маяка» привлекали к сотрудничеству украинских авторов, таких как Н. И. Костомаров, П. П. Гулак-Артемовский, Г. Ф. Квитка-Основьяненко и Т. Г. Шевченко. Одним из наиболее активных украинских писателей на страницах «Маяка» стал Н. Я. Тихорский, автор рассказов, стихов, а также критических статей. Его украинский патриотизм становится очевидным из разных текстов, например, из его критики на вышедший в 1841 году в Харькове альманах «Сніп, українській новорочник» [Тихорский 1842а], где автор полемизирует в том числе с Белинским и его критикой украинской литературы; а также из его хвалебной рецензии на поэму Тараса Шевченко «Гайдамаки», вышедшую в том же 1841 г. в Петербурге. Рецензия Тихорского была опубликована в IX книжке за 1842 г., а в следующей, десятой, вышла собственная басня Тихорского под названием «Груша на осине» [Тихорский 1842б]. Петербургский финн Томас Фриман ее прочитал, перевел на финский и послал Готлунду еще в декабре того же 1842 года. Очевидно, что это был один из наиболее ранних переводов русскоязычной художественной литературы на финский язык — притом сделанный без языка-посредника. Басня Тихорского является, в духе общей реакционной линии журнала «Маяк», аллегорией-предостережением против западных влияний на воспитание детей:

Садовник вздумал сделать чудо <...>
 Осину старую срубил
 И грушу к пню ее привил. <...>
 А груши — сочные, большие,
 Ну словно золотые! <...>
 А есть нельзя. — А что? — ведь горьки, как осина. <...>
 Бывает тоже и с детьми,
 Коль в дни младенческие мы
 Их сердца не привьем к родному —
 Родному Русскому — святому;
 К обычаям, религии отцов,
 К заветной правде стариков,

А станем лишь учить заморщине, латыне ...
И выйдут груши на осине... [Тихорский 1842б: 1].

Фриман перевел эту басню более или менее дословно, но в конце поменял «родной Русский» на «родной Финский», а «заморщину» и «латынь» перевел как «чужое знание и язык».

В письме Фримана Готлунду от 30 сентября 1843 года появляется перевод на русский эротического стихотворения адресата. Как выясняется из переписки, перевод выполнен коллегой Фримана по Духовной Академии, Дмитрием Успенским. Стихотворение “*Tyttöä kaunista kahellessain*” («Глядя на красотку») было изначально опубликовано в двухтомнике Готлунда “*Otava*” («Большая Медведица», 1828–1832), который является наиболее ранним литературным сборником на финском языке и который автор планировал как настоящий национальный эпос Финляндии:

На губках твоих моя милая мед
И сладость в твоём разговоре,
Уста сочетанье красот;
И пламень блистает во взоре.
Но когда б обнажила ты мне
Своих персей и роскошь, и диво,
Мою грудь прострелили б оне
И огонь разожгли бы в ретивом.

В своих поисках национального эпоса Готлунд стал соперником Элиаса Леннрота, собирателя «Калевалы». «Калевала», вышедшая впервые в 1835 году, как известно, заняла эту позицию. Готлунд не сдавался, критиковал «Калевалу» и собирал свою версию, которая называлась «Рунола» и была опубликована в 1840 году. Ее резко критиковали в том числе за излишне смелый эротизм — Готлунд был с молодости активным собирателем, в основном, мужских сексуальных фантазий в фольклоре. Яков Грот, который был знаком и с Готлундом, и с Фриманом, но также дружил с Леннротом, писал о «Руноле» Готлунда в 1840 году в своем письме «Литературные новости из Финляндии» (в «Современнике»):

Общее мнение отдает ему справедливость в блестящих дарованиях и в неутомимом трудолюбии – особенно, когда он является исследователем, но признает в нем недостаток художественных достоинств и слишком своенравную изобретательность [Грот: 57].

За эту критику Готлунд на Грота обиделся, но, кажется, ненадолго.

Готлунда интересовала жизнь финнов и их язык за рубежом — в истории фольклористики он известен, в первую очередь, тем, что специализировался

в языке «лесных финнов», т. е. финнов, занимавшихся подсечно-огневым земледелием в лесах на севере Норвегии и Швеции. Поэтому неудивительно, что его занимали и жизнь, и язык петербургских финнов. Он съездил в январе 1824 года в Петербург и планировал даже этнографическую поездку к тверским карелам вместе с академиком Шегреном, который, однако, отказался от попутчика. Обвиненного в «национальном активизме» Готлунда арестовали в Петербурге и направили обратно в Финляндию [Pulkkinen: 100]. Но его интерес к петербургским финнам, с одной стороны, и к русскому восприятию финнов, с другой, возрождается после знакомства с Фриманом.

Итак, в 1846 году Готлунд публикует в газете «Суомайнен» свое переложение очерка В. Даля «Чухонцы в Питере», вышедшего изначально в «Финском вестнике» [Даль: 1–16]. Это далеко не перевод, а своеобразный пересказ текста Даля, выполненный Готлундом, который толком не владел русским — видимо, через немецкий язык [Карху: 291]. Неизвестно, в какой мере в этом участвовал Фриман, хотя вполне вероятно, что он помогал Готлунду. Зато в 1847 году мы обнаруживаем продолжение этого «проекта» — в газете «Суоми» вышел переведенный Фриманом рассказ В. Ф. Одоевского «Южный берег Финляндии в начале XVIII столетия» [Odojevski]. Правда, сначала было ошибочно решено, что автором текста является Грот. В дальнейшем Фриман перевел для газет Готлунда, например, текст неизвестного автора «Изобретение первых карманных часов» (оригинал был опубликован в «Библиотеке для чтения» в 1839 г.); а также воспоминания Я. Грота «Перезезды по Финляндии» [Grot] и очерк Н. Кукольника «Егор Иванович Сильвановский, или Покорение Финляндии при Петре Великом» [Kukolnik]. Готлунд написал к переводу из Кукольника примечание, в котором сформулировал общую идею перечисленных выше статейных публикаций:

... переведенные в Петербурге на финский нашим соотечественником, достойным упоминания, господином Фриманом, эти опыты побуждают финского читателя к чтению увлекательной или красивой литературы на родном языке. Что касается нас, то надо искренне признаться, что сочинитель этой книги (по нашему мнению) не очень умеет, как и другие, описывать природу финского характера; он рассматривает его несколько поверхностно тут и там. <...> С тех пор, как мы начали говорить на родном языке, русские, как и многие другие народы, стали нас любить больше, и не похоже ли, что в России тоже стали говорить и писать о финнах (потому что раньше никто этого не делал) [Gottlund; перевод наш. — Т. Х.].

В конце 1840-х годов Фриман начинает работать над собственными беллетристическими опытами — т. е. рассказами и повестями. В 1847 г. он опубликовал в газете Готлунда повесть на финском языке под названием «Благородство финского крестьянина» (“Suomalaisen talonpojan jalous”). В 1849 г. она была опубликована в Выборге отдельной брошюрой под названием «Быт финского народа в Петербурге: реальная история» (“Suomen rahwaan olo Pietarissa: to’ellinen tarpaus” [Friman 1849d]).

В повести говорится о финском крестьянине Матти Килкки из деревни Яаккима (откуда был родом и Фриман). Подзаголовок «реальная история» намекает на реальное событие, лежащее в основе сюжета. В письме к Готлунду Фриман признается, что настоящий Матти Килкки плывал на лодке из Яаккима в Петербург, чтобы продавать там известное всем петербуржцам «чухонское масло» [Энгман: 97–98]. Лодка потерпела крушение, в котором другие путешественники погибли, а Матти Килкки и его слепой сосед выжили. В повести же Фримана погибают все, кроме Матти: он выживает и попадает в больницу, а остальные — молодая мать с ребенком и слепой нищий сосед, которые ехали в Питер заниматься попрошайничеством, — умирают.

Фриман пишет, что той осенью в петербургской больнице было множество финских бедняков из окружающих город деревень Ладожской Карелии и Выборгской губернии. Они приехали в Петербург с мечтой о лучшей жизни, но были вынуждены жить в маленьких, тесных и грязных комнатах, где господствовали безысходная нужда, болезни, пьянство и бескультурие. Соседи Матти в больнице — люди «злонравные и безбожные», как их описывает Фриман. Однако понемногу они начинают доверять скромному, смиренному, благородному Матти Килкки. Он становится настоящим героем больничной палаты, своего рода моральным лидером лежащих там финнов: он помогает им осознать свое плачевное состояние и меняться к лучшему.

Если смотреть на текст Фримана с точки зрения финской литературы, то Матти Килкки оказывается таким идеальным крестьянином «по Рунебергу», т. е. героем образцовым, старательным и любящим всех людей, не только своих близких. Он смелый, честный и благонадежный, любящий свою родину. Это связано с мечтой нищих финнов о хорошей жизни в столице империи. Его месседж состоит в том, что лучше было бы оставаться дома, довольствуясь скромной деревенской жизнью. Русский литературный контекст Фримана здесь так же примечателен — это физиологический очерк, с одной стороны, и консервативная литературная среда таких журналов, как «Маяк», с другой стороны. Нам представляется также заслуживающей

упоминания повесть «Фрол Силин, благотельный человек» Н. М. Карамзина, который имеет исключительное значение для финской литературной жизни начала XIX века. Карамзин был первым русским писателем-беллетристом, которого начали переводить в Финляндии. Еще в 1810-е годы его переводил на шведский Эрик Эрстрем, преподаватель русского языка в «Королевской Академии» г. Турку, а финский перевод упомянутой повести Карамзина был опубликован в газете “*Turun Wiikko-Sanomat*”. Насколько нам известно, именно он был первым опубликованным переводом русской художественной литературы на финском языке. Автор перевода остался неизвестен.

Более интересным, чем художественное качество или содержание тенденциозной повести Фримана, оказывается его неожиданно радикальное восприятие в контексте европейских революций 1848 года и связанной с ними полемики о языке в Финляндии. По понятным причинам в Финляндии были запрещены финноязычные газеты, в их числе была и газета Готлунда «*Суомалайнен*». Особое внимание обращалось на то, чтобы оградить социальные низы от революционных веяний. В 1848 г. генерал-губернатор Финляндии князь А. С. Меншиков был назначен председателем «негласного Комитета 2 апреля по контролю за печатью и цензурой». Мотивируя цензурный устав 1850 года для Финляндии, Меншиков писал, что это был «запрет издавать на финском языке сочинения, которые развращают народ и уже развратили рабочий класс во Франции <...> словом, это такое же ограничение, как и обуздание газетчиков, с той целью, чтобы эти люди не могли распространять преступность» (цит. по: [Карху: 300]).

В 1849 году в Финляндии вышли две брошюры на финском языке, которые вызвали особенный интерес у цензурного комитета — это главы из книги “*Impressions de voyage*” А. Дюма (в финском переводе Антти Ряту) и повесть Т. Фримана. Переведенный А. Ряту рассказ о Вильгельме Телле с его проповедью свободы был сочтен опасным, так как финноманы также мечтали о «национальной свободе и духовной независимости». На повесть Фримана о Матти Килкки [Friman 1849d] обратил внимание сам князь Меншиков. Он ознакомился с текстом в частичном переводе на русский и с процессом его публикации в Выборгском издательстве Цедерваллера с разрешения ректора Императорского Александровского университета. Рассказ о приключениях несчастного финского крестьянина в грязном Петербурге показался Меншикову слишком нелицеприятным описанием столицы, и к тому же финны в Выборге уже анонсировали будущее продолжение этой повести. Поэтому 16 марта 1850 г., через десять дней после публикации первоначального цензурного устава, князь Меншиков принял решение о том, что в дальнейшем

публиковать или печатать брошюры на финском языке можно будет только по его личному разрешению [Nurmiö: 12, 223].

Реакцией на активную печатно-публикационную деятельность фенноманов (т. е. финских писателей и газетчиков), а также на становление петербургской финноязычной литературы стал запрет 19 марта 1850 года на публикации литературы на финском языке. Исключение было допущено лишь для религиозной и экономической литературы. Официально указ был отменен лишь в 1860 году, но в реальности запрет продлился приблизительно четыре с половиной года.

Литература

Письмо Фримана Готлунду от 10 июля 1842 г.: Т. Frimanin kirjeet С. А. Gottlundille [Письма Т. Фримана К. А. Готлунду]. С. А. Gottlundin henkilökarkisto, Helsingin yliopiston arkisto.

Грот: Грот Я. Литературные новости в Финляндии. Письмо из Гельсингфорса // Современник. Т. 20. С. 24–85.

Даль: Даль В. Чухонцы в Питере // Финский вестник. 1846. Т. 8. Ч. 3. С. 1–16.

Карху: Карху Э. Финляндская литература и Россия: 1800–1850. Tallinn, 1962.

Логачев: Логачев К. И. К истории перевода православных богослужебных книг на финский и шведский языки // Из истории православия к северу и западу от Великого Новгорода. Л., 1989. С. 167–184.

Мусаев: Мусаев В. И. Языковой вопрос в Финляндской православной епархии в конце XIX – начале XX в. // Скандинавские чтения 2014 года. Этнографические и культурно-исторические аспекты. СПб., 2016. С. 148–162.

Тихорский 1842а: Тихорский Н. Гайдамаки. Поэма Т. Шевченка // Маяк. 1842. Т. IV. Кн. 8. Гл. 4. С. 82–106.

Тихорский 1842б: Тихорский Н. Сніп (сноп) украинский новорочник // Маяк. 1842. Т. V. Кн. 9. Гл. 4. С. 1–21.

Тихорский 1842в: Тихорский Н. Груша на осине // Маяк. Т. V. Кн. X. Гл. I. С. 13.

Энгман: Энгман М. Финляндцы в Петербурге. СПб., 2005.

Dahl: Dahl, V. Suomalaiset Pietarissa // Suomalainen. 1846. No. 14, 15, 21, 22, 23.

Friman 1849a: Friman, Th. (suom.). Keisarin ja patriarhojen kirjoitukset — Pyhimmän Synodin asettamisesta, Itäisen Kathoolisen Kirkon Jalouskoisen Tunnustuksen selityksen kanssa. Pietari, 1849.

Friman 1849b: Friman, Th. (suom.). Ripin sääntö keskenkasvuisille jalouskoisesta tunnustuksesta. Pietari, 1849.

Friman 1849c: *Friman, Th. (suom.)*. Lavea jalouskoisen itäisen katoollisen kirkon ristillinen katehisis. Pietari, 1849.

Friman 1849d: *Friman, Th.* Suomen rahwaan olo Pietarissa: to'ellinen tapaus. Viipuri, 1849.

Grot: *Grot, J.* Matkustelemisia Suomessa, Laatokan järveltä Tornion jokeen asti. J. Grotin matkamuistemat // Suomi. 1848. No. 2, 4.

Kukolnik: *Kukolnik, N.* Eerikki Silvanus, eli Suomen valloittaminen Pietari ensimmäisen aikana // Suomi. 1848. No. 14, 17, 18, 21–23, 26; 1849. No. 2.

Nurmio: *Nurmio, Yrjö.* Taistelu suomen kielen asemasta 1800-luvun puolivälissä. Vuoden 1850 kielisäännöksen syntyhistorian, voimassaolon ja kumoamisen selvittelyä. Porvoo, 1947.

Odojevski: *Odojevski, V.* Suomenmaan eteläranta XVIII vuosisaan alussa // Suomi. 1847. No. 3, 9, 12, 13.

Piironen: *Piironen, P.* Ortodoksinen julkaisutoiminta 1790–1980. Joensuu, 1991.

Pulkkinen: *Pulkkinen, R.* Vastavirtaan: C. A. Gottlund 1800-luvun suomalaisena toisinajattelijana. Psykobiografinen tutkimus. Helsinki, 2003.

Sjögren: *Sjögren, A. J.* Allmänna Ephemerider. Dagböckerna 1806–1855 / Utgivna av Michael Branch, Esko Häkli, Marja Leinonen. Helsingfors, 2020.

Takala-Roszszenko: *Takala-Roszszenko, M.* Kadonneeksi luultu arkistoaineisto suomenkielisen ortodoksinen julkaisutoiminnan alkuvaiheista // Ortodoksia 59 (2019). S. 204–222.